

Он оборвал фразу и топнул ногой.

— Вы сбили с толку Люпена! Неужели вы никогда не изменитесь, неужели до конца своей жизни не откажетесь от цинизма и злобы? Поговорим серьезно, черт побери! Время пришло, пора стать серьезным, сейчас или никогда!

Морис Леблан. 813

Представить конец света, будучи ребенком, скорее всего, невозможно. Худенькая девочка, несмотря на разразившуюся войну, больше, чем смерти, больше, чем конца света, боялась беспредельной скуки, никчемности бытия и однообразных, проходящих один за другим дней.

А. С. Байетт. Разгарек.

Гибель богов

Вот тогда Ситон усмехнулся.

— Что ж, ты всегда знал, что сильнее всего на свете я люблю делать вещи больше и лучше.

Э. Э. «Док» Смит.

Жаворонок ДюКеси

Для Сюзанны

Пролог

Жозефина Пеллегрини в одиночестве стоит на неподвластном времени пляже; конец света ее разочаровал.

Солнце почти село, лишь над безбрежной гладью моря остался оранжевый отблеск. Земной шар висит в небе. Вокруг него на бело-голубом фоне, словно разлитые чернила, тянутся навстречу друг другу темные щупальца. Драконы Матчека Чена растут, поглощая материю, энергию и информацию. Скоро они начнут вгрызаться в кору умирающего мира, чтобы высосать остатки подземной бактериальной биосферы. Когда падет этот последний бастион жизни, драконы сожрут друг друга, и останется только мертвый шар из пыли и камня.

Как в день Рагнарека. Но тогда он ознаменовал блистательное рождение нового, а сейчас происходит окончательная гибель древней, давным-давно увядающей плаценты.

И все же ради Матчека Жозефина продолжает наблюдать: это его последний шаг перед торжеством Абсолютного Предателя. Прекрасный, гениальный и опасный Матчек. С его грандиозными и в то же время немного детскими поступками, за которые она его и полюбила. Некоторое время

Жозефина позволяет себе с тоской вспоминать его огненный взгляд и спокойную улыбку.

Она даже прощает ему, что он заключил ее в этой мысленной форме. Она *стара*, как кокон плоти, из которого Жозефина появилась на свет несколько столетий назад. Мелкий белый песок холодит босые, изрезанные венами ноги. Она обхватывает плечи руками, защищаясь от холода, и видит, как обвисли мышцы покрывшихся гусиной кожей рук. Острая боль клешнями краба пронзает поясницу. *Самая жестокая тюрьма — это старость.*

А она в своей победе проявила бы милосердие. Она ведь только хотела показать Матчеку, как надо управлять Вселенной. И освободила бы его через некоторое время.

Но ее подвели инструменты. Вероломная и неблагодарная Миели взбунтовалась в самый критический момент, отказавшись от блестящего будущего, уготованного ей Жозефиной.

И еще ее Жан.

Вор предал ее. Камень Каминари, ключ к замкам Планка, ради похищения которого Жозефина вытасила его из преисподней, оказался подделкой — вор создал ее несколько десятков лет назад, чтобы посмеяться над ней. Он дорого за это заплатит. Дикая код поглотил его на корабле Миели, но это слишком слабое наказание.

Инструменты всегда ломаются. Она должна была помнить об этом.

И вот она в плену у Абсолютного Предателя. Он оставил ее здесь, после того как обнаружил послание внутри камня.

В конце концов я заберу все, сказал он. Но ты пока еще мне нужна.

Как будто она тоже инструмент, которым можно воспользоваться, а затем выбросить. Ведь это Жозефина по-

ПРОЛОГ

слала Миели вызволить Абсолютного Предателя из тюрьмы «Дилемма», это она позаботилась, чтобы неблагодарное существо спряталось в разуме вора и было готово освободиться, если Жана поймают. И все шло великолепно, пока он не завладел Матчеком и не заразился манией величия.

Его необходимо проучить.

Глубокий вдох морского воздуха помогает Жозефине раздуть искру обжигающей ярости, зародившуюся в груди.

Она не останется в плену извращенного существа, появившегося в результате неудачного эксперимента в одной из теплиц для гоголов Саши. Она разрушит эту ничтожную тюрьму детских воспоминаний Матчека, как он разрушил Землю.

Абсолютный Предатель совершил глупость, оставив ее в одиночестве.

Она медленно садится, не обращая внимания на ломоту в костях. Руки зарываются в песок. Он еще хранит дневное тепло. Она пропускает песок между пальцами. Мелкие кристаллы ловят последний отблеск солнца. Она пристально смотрит на них, стараясь разглядеть контуры песчинок, все неровности.

Ни один вир, ни один механизм защиты не может быть идеальным — это она прекрасно усвоила благодаря Жану. А это всего лишь вир-сон, слепок с древнего аль-Джанна, эта камера не предназначена для заключения Основателя. Если присмотреться внимательнее, в здешних пустотах должны быть гоголы-демиурги, творцы виртуального мира.

Все верно. Под ее пристальным взглядом ткань вира едва заметно вздрагивает. В образовавшуюся трещину Жозефина посылает свой код Основателя: *маленький красный предмет, и еще ложе, и клятву.* Вуаль реальности

слегка приподнимается, и под ней прощупывается твердь, жесткие ребра, скрывающиеся под мягким песком. Да, конечно, она заключена кодом Матчека. Но она уже слышит шепот.

Кто? Основатель! Сяо! Страшно! Демиурги дрожат и разбегаются от ее прикосновения, но она обращается к ним, уговаривает их. *Подождите. Стойте. Играем!*

Этот копиклан ей знаком. Его гоголы трудолюбивы, по-детски непосредственны и очень, очень одиноки.

Они проявляют любопытство и слушают ее. Она улыбается. Пусть ее поместили в ветхую мыслеформу, пусть ее лишили статуса Прайма, но она все еще Жозефина Пеллегрини, она прожила невероятно долгую жизнь и умеет обращаться с гоголами. Она остается в заключении, но если она сумеет подчинить демиургов, возможно, ей удастся создать собственную частичную тень, способную проскользнуть в трещину.

Сначала испытание.

Нарисуйте мне небо, говорит она. *Широкое и далекое. Нарисуйте Систему.*

Гоголы радостно бросаются выполнять задание. Именно это и приказал им их хозяин: создавать вир, как создают сны, наполнять его историями, собранными другими гоголами во внешнем мире, и историями, рассказанными внутри.

Появившееся небо полыхает огнями войны.

Жозефина видит, как Система бурлит, словно растревоженный муравейник.

Демиурги представляют ее в виде галактики, где каждая звезда — это корабль. По Магистральной, гравитационной артерии Системы, движется поток беженцев — это незначительные цивилизации Пояса, которые давным-давно толпились вокруг сияющей Соборности, греясь в ее лучах. Они

бегут, считая, что настало время великой интеллектуальной жатвы. Жозефина усмехается: они должны быть счастливы служить Великой Всеобщей Цели.

Все это предстает перед ней тенями на стене пещеры по сравнению с тем, что она могла бы разглядеть миллиардами глаз, находясь в статусе Прайма, но Жозефина уверена, что демиурги видят ее сияющей от радости.

Хорошо поработали. Теперь покажите мне моих сестер.

Небосвод расширяется, на нем появляется Солнце, забранное сетью солнцедобывающих машин Соборности и заводов интеллектуальной материи, проявляется многомерная карта *районов, областей и губерний*, а в них — многогранных виров и бесчисленных множеств гоголов, напоминающих нейронные узлы в колоссальном мозге Соборности. Космическая паутина мысли. Мозг в состоянии войны с самим собой.

Ее сестры сражаются с василевами и сянь-ку. Это исчерпавшее себя противостояние, которому предшествовали столетия и субъективно воспринимаемые эпохи интриг и вероломства. Она знает, что копиклан пеллегрини проиграет. Воинствующие разумы и оружие Основателей равны между собой, и только количество имеет значение.

Но еще не все потеряно. В голове Жозефины уже разворачивается схема. План, способный объединить всех Основателей, — то, к чему она стремится в первую очередь. Абсолютный Предатель еще может остаться ее инструментом, этот противник заставит примкнуть к ее лагерю даже василевов и сянь-ку. Саша последует за ней, а потом подтянутся и остальные...

Жозефина хмурится. В ходе битвы что-то не так. Отражение мириад ее сущностей искажается в небе, словно в кривом зеркале.

Внезапно перед ней проявляются контуры замысла Абсолютного Предателя. Это апокалипсис, о котором Матчек

не мог и мечтать, катаклизм, сотканный из орбит, сражений и мыслевихрей.

Долгое время она наблюдает за ходом войны. Это все равно что смотреть в дуло револьвера, видеть, как неотвратно поворачивается барабан, слышать щелчок, предшествующий грохоту и вспышке, стирающей все цвета, кроме черного и белого.

И только тогда она понимает, что представляет собой Абсолютный Предатель.

Она закрывает глаза, ложится на холодный песок и вытягивает руки вдоль тела, словно труп. Она вслушивается в равномерный шум моря.

Он хотел, чтобы я это увидела, думает она. Он знал, что я собираюсь сделать. И потому оставил меня здесь.

Впервые за много столетий внутри нее растет пустота и желание покончить со всем и сразу.

Ты грустишь? — спрашивают ее демиурги. Мы покажем тебе что-нибудь еще! Мы художники неба, строители мира, певицы и преобразователи!

Она сжимает руки в кулаки так, что ноют костяшки пальцев. Затем садится и смотрит на темнеющий берег. Ее следы ровной цепочкой повторяют изгиб прибоя.

Жозефина поднимается.

Теперь моя очередь вам кое-что показать, говорит она. Если вы мне поможете, мы сумеем создать вам друга.

Мы слушаем! Мы сделаем! Мы создадим! — раздается ей в ответ хор демиургов.

Она идет вдоль берега, устало ступая по собственным следам. У ног плещутся холодные волны.

В небе начинается настоящее светопреставление. Жозефина не обращает внимания. Она занята. Из песка и воспоминаний она строит свою последнюю надежду.

Вор и последняя битва

Мы едва успеваем пройти орбиту Марса, как Матчек познает все истины Нарнии и помогает мне отыскать след Миели.

— История не может на этом закончиться! — говорит он, откладывая книгу.

Это большой потрепанный том с фиолетовой обложкой, где на круглой, похожей на окно иллюстрации изображены сражающиеся армии. Матчек поднимает фолиант обеими руками четырехлетнего мальчика, но не справляется, и в результате книга шлепается на стол передо мной.

«Последняя битва», К. С. Льюис, читаю я, сдерживая вздох. Это вызовет серьезные вопросы.

Последние несколько субъективно воспринимаемых дней в крошечном вире нашего корабля под названием «Шкаф» прошли довольно спокойно. Я создал этот мир на основе рассказанного Матчеком сна. Это пропахший ладаном лабиринт высоких книжных стеллажей, хаотично заполненных томами самых разных цветов и размеров. Обычно мы с Матчеком сидим за грубо сделанным деревянным столом маленького кафе в ярком свете рассеянных солнечных лучей, проникающих сквозь витрину.

Снаружи — нарисованная на воображаемом стекле — бурлит бесконечным движением Магистраль. Тысячи световихрей, скал-кораблей, штиль-кораблей, лучевых ракет и прочих разнообразных судов в сиянии солнечных парусов «Шкафа» сверкают мириадами фрагментов. А в глубине, в тени, синие и серебристые книги с фрактально сжатыми мыслями людей, джиннов и богов Сирра перешептываются между собой шелестящими голосами.

До сих пор Матчек спокойно читал книги, подперев подбородок кулаками. Меня это вполне устраивало: я был занят тем, что в предсмертной агонии Земли отыскивал следы Миели.

— Они просто не могут погибнуть! Это несправедливо! — заявляет Матчек.

Я перевожу взгляд на него и заставляю свою личную Магистраль — камень зоку, изумрудный диск с тонкими молочными прожилками внутри, подаренный дружелюбным китоморфом, — вращаться вокруг пальцев.

— Послушай, Матчек, — говорю я. — Хочешь, покажу фокус?

Мальчик отвечает неодобрительным взглядом. У него честные и яркие глаза, и этот пронизывающий голубой взгляд совсем не сочетается с его округлым детским лицом. Он вызывает у меня неприятные воспоминания о том, как взрослая сущность Матчека схватила меня и разобрала мой мозг на отдельные нейроны.

Он складывает руки на груди.

— Нет. Я хочу знать, нет ли в этой истории другого финала. Этот мне не нравится.

Я закатываю глаза.

— Обычно существует только один финал. Почему бы тебе не почитать другую книгу, раз эта пришлось не по вкусу?

1. ВОР И ПОСЛЕДНЯЯ БИТВА

Сейчас у меня нет настроения продолжать разговор. Мои слуги — рой агентов в общедоступных источниках, дистанционно выпущенных из крыс и круглых червей, — прочесывают спаймскейпы Системы в поисках информации о разрушении Земли. В голове у меня нескончаемая вереница кват-образов, холодные брызги информации из потока кораблей, проплывающих за старинными стенами нашего судна.

И каждый образ — словно движение стрелки, отсчитывающей время, которое отпущено Миели.

Живой сигнал от вакуум-ястреба с Цереры. Зернистое изображение, записанное светочувствительным бактериальным слоем на солнечных крыльях хрупкого космического не обладающего разумом существа, которое преследует самку своего вида в окрестностях Земли. Слишком нечеткое. Следующее.

<СПАЙМ>, перехваченный с комплексной развернутой антенны зоку на Ганимеде, общедоступный канал.

У меня замирает сердце. *Неплохо.* Гиперспектральная запись событий, произошедших несколько дней назад, вспыхивает у меня перед глазами сполохами полярного сияния, многоцветные полотна радужного света в мельчайших деталях отображают одновременно поверхность Земли и окружающее пространство. Драконы мрачными провалами темнеют в каждом слое, но я не обращаю на них внимания. Мысленно приказываю приблизить участок, соответствующий второй точке Лагранжа и облаку технологического мусора, где должна быть «Перхонен». *Давай же!*

— Но я хочу знать, — доносится издали настойчивый голос. — Кто был Императором? Что было за морем? И почему Аслан уже не лев?